

Третья книга

Писано в Карнунте.

1. Высчитывать не только, как с каждым днем растрачивается жизнь и остается все меньшая часть её, – и то высчитай, что проживи человек дольше, неизвестно, достанет ли у него силы-то ума для понимания вещей и того умозрения, которое заботится об искушенности в божественном и человеческом. Ведь начнет же дуреть: дышать, кормиться, представлять, устремляться и все такое будет без недостатка, а вот располагать собой, в надлежащее по всем числам вникать, первопредставления расчленять и следить за тем, не пора ли уже уводить себя и прочее, что нуждается в разумной мощи, – это все раньше угасает. Значит должно нам спешить не оттого только, что смерть становится все ближе, но и оттого, что понимание вещей и сознание кончаются ещё раньше.

2. Следует примечать и в том, что сопутствует происходящему по природе, некую прелесть и привлекательность. Пекут, скажем, хлеб, и потрескались кое-где края – так ведь эти бугры, хоть несколько и противоречащие искусству пекаря, тем не менее чем-то хороши и особенно возбуждают к еде. Или вот смоквы лопаются как раз тогда, когда переспели; у перезрелых маслин самая близость к гниению добавляет плодам какую-то особенную красоту. Так и колосья, гнущиеся к земле, сморщенная морда льва, пена из кабаньей пасти и многое другое, что далеко от привлекательности, если рассматривать его отдельно, однако в сопутствии с тем, что по природе, вносит ещё более лада и душу увлекает; поэтому кто чувствует и вдумывается поглубже, что происходит в мировом целом, тот вряд ли хоть в чем-нибудь из сопутствующего природе не найдет, что оно как-то приятно слажено. Он и на подлинные звериные пасти станет смотреть с тем же наслаждением, как и на те, что выставляются живописцами и ваятелями как подражание; своими здравомысленными глазами он сумеет увидеть красоту и некий расцвет у старухи или старика, и притягательность новорожденного; ему встретится много такого, что внятно не всякому, а только тому, кто от души расположен к природе и её делам.

3. Гиппократ, излечивший много болезней, заболел и умер. Халдеимногим предрекли смерть, а потом их самих взял рок. Александр, Помпеи, Гай Цезарь, столько раз до основания изничтожавшие города, сразившие в бою десятки тысяч конных и пеших, потом и сами ушли из жизни. Гераклит, столько учивший об испламенении мира, сам наполнился водой и, обложенный навозом, умер. Демокрита погубили вши, Сократа – другие вши. Так что же? – сел, поплыл, приехал, вылезай. Если для иной жизни, то и там не без богов, а если в бесчувствии, то перестанешь выдерживать наслаждение и боль и услужение сосуду, который тем хуже, что сам он в услужении, ибо одно – разум и гений, другое – земля и грязь.

4. Не переводи остаток жизни за представлениями о других, когда не соотносишь это с чем-либо общепольным. Ведь от другого-то дела откажешься, воображая, значит, что делает такой-то и зачем бы, и что говорит, и что думает, и что такое замышляет и ещё много всякого, отчего сбивается внимание к собственному ведущему. Должно поэтому уклоняться того, чтобы в цепи представлений было случайное или напрасное, а ещё более – суетное или злонравное; приучать себя надо только такое иметь в представлении, чтобы чуть тебя спросят: «О чем сейчас помышляешь?», отвечать сразу и откровенно, что так и так; и чтобы вполне явственно было, что все там просто и благожелательно и принадлежит существу общественному, не озабоченному видениями услад или вообще каких-нибудь удовлетворении, а ещё – что нет там какой-нибудь вздорности или алчности, или подозрительности, или ещё чего-нибудь такого, в чем не сможешь признаться не краснея, что оно у тебя на уме. И вот такой человек, который более уж не откладывает того, чтобы быть среди лучших, есть некий жрец и пособник богов, распоряжающийся и тем, что поселилось внутри его, благодаря чему человек этот наслаждениями не запятнан, не изранен никакой болью, ни к какому насилию не причастен, ни к какому не чувствителен злу; подвижник он подвига великого – ни единой не покорился страсти, справедливостью напоен до дна; от всей принимает души все, что есть и дано судьбой. А

представлениями о том, что говорит, делает или думает другой, он себя без крайней и общепользительной надобности не часто займет. То, что при нем, то ему для действия, а что отмерено судьбой, в то он вглядывается непрестанно; в том он поступает прекрасно, а в этом уверился, что оно благо. Ибо удел, отмеренный каждому, несомненно целым и целое несёт. А ещё он и то помнит, что однородно всё разумное, и что попечение о всех людях отвечает природе человека, а славы стоит добиваться не у всех, а у тех только, кто живет в согласии с природой. А кто не так живет, про тех он всегда помнит, каковы они дома и вне дома, ночью и днем, и с кем водятся. Вот и не станет он считаться хотя бы и с хвалой таких людей, которые и сами-то себе не нравятся.

5. Не действуй как бы нехотя, необщественно или же необдуманно, или же зависимо. Пусть вычурность не изукрасит твою мысль; многословен и многосуетен не будь. И пусть бог, что в тебе, будет покровитель существа мужеского, зрелого, гражданственного, римлянина, правителя, того, кто сам поставил себя в строй и по звуку трубы с легкостью уйдет из жизни, не нуждаясь ни в клятвах, ни в людском свидетельстве; в нем лишь веселие и независимость от помощи другого и независимость от того покоя, который исходит от других. Верно: «исправным быть, а не исправленным».

6. Если находишь в человеческой жизни что-нибудь лучше справедливости, истины, здравомыслия, мужества или вообще того, чтобы мысль твоя довольствовалась собою, когда ты благодаря ей действуешь по прямому разуму, и судьбой довольствовалась, когда принимаешь то, что уделено нам не по нашему выбору; если, говорю я, усмотрел ты что-нибудь лучше этого, то, обратившись к нему всей душой, вкуси от этой прекраснейшей из находок. Если же не появится ничего, что лучше поселенного в тебе гения, который и собственные устремления себе подчинил, и свои представления обследует, и от чувственных переживаний себя, как выражается Сократ, оттащил, и богам себя подчинил, а о людях печется; если ты находишь, что все прочее более мелко и убого, чем он, то не давай места такому, к чему однажды потянувшись и прибавившись, уже без судорожного усилия не сможешь предпочитать то, что есть благо и само по себе, и твоё. Недозволительно выставлять против разумного и деятельного блага что бы то ни было чужеродное, хоть бы хвалу от многих, или должности, богатство, или вкушение наслаждений. Все эти вещи, даже если кажется, что понемногу они кстати, вдруг овладевают и несут за собой. Так избери же, говорю, просто и свободно то, что лучше, и этого держись. – Тем лучше, чем больше приносят пользы. – Если как разумному тебе полезно, храни. А если как животному, то докажи и соблюдай своё суждение без ослепления. Смотри только, основательно рассуди.

7. Никогда не расценивай как полезное тебе что-нибудь такое, что вынудит тебя когда-нибудь нарушить верность, забыть стыд, возненавидеть кого-нибудь, заподозрить, проклясть, притворствоваться, возжелать чего-нибудь, что нуждается в стенах и завесах. Право, тот, кто предпочел собственный разум и своего гения, и таинства его добродетели, тот не разыгрывает трагедию, не стесняется, не нуждается ни в одиночестве, ни в многолюдстве. А главное – станет жить, не гонимый и не избегая, а будет ли он большой отрезок времени распоряжаться душой и объемлющим её телом или же меньший, это ему ничуть не важно. Да хоть бы и пора было удалиться – уйдет так же легко, как на всякое другое дело из тех, которые можно сделать почтительно и мирно. Всю жизнь он будет остерегаться единственно того, как бы мысль его не оказалась в каком-нибудь развороте, не подходящем для разумного государственного существа.

8. Не отыщешь в мысли выученного и очищенного никакого нагноения, пятна или воспаления, и рок не застанет его жизнь незавершенной, так чтобы можно было сравнить его с лицедеем, который ушел не кончив, не доиграв. А ещё ничего рабского, никаких ухищрений, никак он не скован и не отщеплен, не подотчетен, не зарылся в нору.

9. Силу признавать – чти. В ней все для того, чтобы признание в твоём ведущем не было больше несвязно с природой и устройством разумного существа. Они ведь требуют неопрометчивости, расположения к людям и покорности богам.

10. Так брось же все и только этого немногого – держись. И ещё помни, что каждый жив только в настоящем и мгновенном. Остальное либо прожито, либо неявственно. Вот, значит, та малость, которой мы живы; малость и закоулок тот, в котором живем. Малость и длиннейшая из всех слав, что и сама-то живет сменой человечков, которые вот-вот умрут, да и себя же самих не знают – где там давным-давно умершего.

11. К названным выше опорным положениям пусть приложится ещё и то, чтобы всегда находить пределы и очертания тому или иному представляемому, рассматривая его естество во всей наготе, полно и вполне отдельно, и говорить себе как собственное его имя, так и имена тех вещей, из которых оно составилось и на которые распадается. Ничто так не возвышает душу, как способность надежно и точно выверить все, что выпадает в жизни и ещё так смотреть на это, чтобы заодно охватывать и то, в каком таком мире и какой прок оно дает, и какую ценность имеет для целого, а какую для человека, гражданина высочайшего града, перед которым остальные города – что-то вроде домов. Что оно, из чего соединилось и как долго длиться дано ему природой – тому, что сейчас создает моё представление? И какая нужна здесь добродетель – нестроптивость, мужество, честность, самоограничение, самодостаточность, верность и прочие. Вот почему всякий раз надо себе говорить: это идет от бога, а это по жребию и вплетено в общую такнь, а это так получается или случай, а это – единоплеменника, родственника и сотоварища, не ведающего только, что тут ему по природе. А я вот ведаю и потому отнесусь к нему и преданно, и справедливо по естественному закону нашей общности. Вместе с тем в вещах средних ищу должную оценку каждой.

12. Если будешь, действуя в настоящем, следовать за прямым разумом с рвением, силой и благожелательностью, и не привходящее что-нибудь, а собственного гения сохранишь в устойчивой чистоте, как будто бы надо уже вернуть его; если увяжешь это, ничего не ожидая и ничего не избегая, довольствуясь в настоящем деятельностью по природе и правдивостью времен героических в том, что говоришь и произносишь, – поведешь благую жизнь. И нет никого, кто помешал бы этому.

13. Как у врача! всегда под рукой орудия и железки на случай неожиданного вмешательства, так пусть у тебя будут наготове основоположения для распознавания дел божественных и человеческих и для того, чтобы даже и самое малое делать, памятуя о взаимной связи того и другого. Ведь не сделаешь ничего человеческого хорошо, не соотнеся это с божественным, и наоборот.

14. Не заблуждайся доле; не будешь ты читать своих заметок, деяний древних римлян и эллинов, выписок из писателей, которые ты откладывал себе на старость. Поспешай-ка лучше к своему назначению и, оставив пустые надежды, самому себе – если есть тебе дело до самого себя – помогай, как можешь.

15. Они же не знают, сколь различное значит «воровать», «сеять», «прицениваться», «не беспокоиться», «смотреть, что делаешь», что делается не глазами, а неким иным зрением.

16. Тело, душа, ум; телу – ощущения, душе – устремления, уму – основоположения. Впитывать представления – это и скотское, дергаться устремлениями, – и звериное, и двуполое, и Фаларидово, и Нероново. Руководствоваться умом, когда нечто представилось как надлежащее, – это и для тех, кто в богов не верует, бросает родину или берется действовать, разве что заперев двери. Так вот если остальное – общее с теми, кто назван выше, то свойством собственно достойного человека остается любить и принимать судьбу и то, что ему отмерено, а гения, поселившегося у него внутри, не марать и не оглушать надоедливymi представлениями, а беречь его милостивым, мирно следующим богу, ничего не произносящим против правды и не делающим против справедливости. И если даже не верят ему все люди, что он живет просто, почтительно и благоспокойно, он ни на кого из них не досадует и не сворачивает с дороги, ведущей к назначению его жизни, куда надо прийти чистым, спокойным, легким, приладившимся непринужденно к своей судьбе.